

«АЛТАЙСКИЙ ТЕКСТ»

А. И. Куляпин¹

Алтайский государственный педагогический университет

НОВЫЙ МИФ ДЛЯ НОВОГО МИРА: АЛТАЙ В РАССКАЗЕ ИВАНА КАТАЕВА «ПОД ЧИСТЫМИ ЗВЕЗДАМИ»²

В статье анализируется неомифологическая концепция Ивана Катаева. Действие рассказа «Под чистыми звездами» разворачивается в Уймонской долине, в локусе, овеянном множеством легенд, главная из которых – легенда о Беловодье. Считалось, что именно здесь пролегал путь в затерянную страну свободы и сказочного изобилия. Рассказчик уподобляет Алтай огромному Эдемскому саду. Очевидно, однако, что замкнутый идиллический мир, изображенный в рассказе, стоит на пороге радикальных перемен. Катаев доказывает неизбежность разрушения его казавшихся незыблемыми границ. Следствием этого драматического процесса становится бесприютность героев рассказа. Уютное домашнее пространство могло существовать лишь в далеком прошлом.

Ключевые слова: Алтай, локальный текст, Беловодье, миф, легенда, хронотоп, граница, символ.

A. I. KULYAPIN

Altai State Pedagogical University

NEW MYTH FOR A NEW WORLD: ALTAI IN STORY BY IVAN KATAEV "UNDER THE CLEAN STARS"

The article analyzes Ivan Kataev's neomythological concept. The story "Under the Clean Stars" is set in the Uimon Valley, in a locus steeped in many legends, the main of which is a legend about Belovodye. It was believed that it was here where the road to the lost country of freedom and dreamlike abundance was situated. The narrator likens Altai to the big Garden of Eden. It is obvious, however, that the closed idyllic world depicted in the story is on the verge of radical changes. Kataev proves the destruction inevitability of its seemingly unshakable boundaries. The homelessness of the story heroes becomes the consequences of this dramatic process. Cozy home space could exist only in the distant past.

Keywords: Altai, local text, Belovodye, myth, legend, the chronotope, border, symbol.

¹ Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)

² Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ и правительства Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Летом 1935 года Иван Катаев вместе с алтайским поэтом Павлом Кучияком совершил путешествие по Горному Алтаю. Впечатления от этой поездки стали основой одного из последних произведений писателя – рассказа «Под чистыми звездами». Действие рассказа разворачивается в Уймонской долине, в локусе, овеянном множеством мифов и легенд.

Замкнутость пространства Уймонской межгорной котловины, зажатой между Катунским и Теректинским хребтами, как нельзя лучше соответствует авторскому замыслу. Писатель приводит героя-рассказчика в «уединенную горную страну, из тех, что всегда так властно манят в путешествие своей как бы вечно недостижимой синевой» [Катаев, 1983, с. 370].

В отечественной литературе 1920–30-х годов отмечен резкий всплеск интереса к преданиям о Беловодье. «Народная крестьянская легенда о Беловодье была создана в ситуации страха и отчаяния. В аналогичной ситуации в XX в. она вновь оказалась востребована» [Папкова, 2016, с. 74]. Е. Папкова выделяет целую группу произведений двадцатых годов, в основе которых лежит сюжет поиска Беловодья: «В 1925 г. печатаются рассказ Вяч. Шишкова “Алые сугробы”, повести Вс. Иванова “Бегствующий остров”, А. Караваевой “Золотой клюв”. Ненапечатанной остается повесть М. Плотнокова “Беловодье”. Два года спустя, в начале 1927 г., А. Платонов начинает работу над рассказом “Иван Жох”, а Вс. Иванов – над повестью “Тибель Железной”. В каждом из указанных произведений беловодская легенда представлена по-разному. Все они имеют близкую проблематику. Ведущим является вопрос о “крестьянском царстве»» [Папкова, 2011, с. 137]. К списку Е. А. Папковой следует добавить роман В. Зазубрина «Горы» (1933), также обыгрывающий сюжет поиска Беловодья [Куляпин, 2014, с. 225-228].

Катаев о Беловодье напрямую не упоминает, но он не мог не знать, что путь в эту затерянную страну свободы и сказочного изобилия пролегал как раз через Уймонскую долину. Более того, по некоторым сведениям, во второй половине XVIII века именно она и именовалась Беловодьем [Чистов, 2003, с. 307].

В народном сознании Беловодье, «искомый “рай” на земле» [Богумил, 2018, с. 57], нередко ассоциировалось с древнеславянской мифической страной Ирием (Выреем). По предположению В. И. Даля, само слово «Вырей» «значит *сад, вертоград*» [Даль, 1989, с. 311. Курсив автора].

В рассказе Катаева Алтай напоминает огромный Эдемский сад. По мере подъема к перевалу герои рассказа вступают в «зону великого ягодного сада, опоясавшую все предгорья Алтая» [Катаев, 1983, с. 371].

Непроницаемость горизонтальных границ идиллического хронотопа не означает, что и вертикальная граница столь же непроницаема. Напротив, мир Алтая распахнут навстречу небу, что акцентировано уже в названии рассказа – «Под чистыми звездами». «От края неба» несет свои воды, «хранящие холодок поднебесных снегов», Катунь, «подымается в синее небо» горный вал и т. д. [Катаев, 1983, с. 369, 370].

Крушение незыблемых границ идиллического мирка неизбежно чревато катастрофическими последствиями. Стоит герою «оглянуться шире» – «и раскрывается бездна, и таинственно грозят дальние хребты...» [Катаев, 1983, с. 370]. Алтай вызывает у рассказчика «составное чувство родины и чужбины» [Катаев, 1983, с. 370]. Вначале он кажется ему таким знакомым, понятным и близким, но тут же предстает чуждым, «далеким и необычайным», соединившим в себе экзотику Юга и Востока: «Думаешь: куда ж это меня занесло!.. Азия, в двухстах километрах монгольская граница...» [Катаев, 1983, с. 370].

Катаев размыкает не только границы моделируемого в рассказе художественного пространства, но и границы самого текста за счет прозрачных отсылок к по крайней мере двум претекстам: фильму Е. Иванова-Баркова «Иуда» («Антихрист», 1930) и повести Гоголя «Старосветские помещики». С каждым из претекстов писатель обращается весьма свободно. Ни фильм, ни повесть прямо в рассказе не названы и сюжеты их пересказываются с очень большими неточностями. Гоголевская повесть, в добавок ко всему, вообще приписана Пушкину, что ведет еще и к размыванию категории авторства. «Свое» от «чужого» уже не отличить. Причем не важно идет ли речь о национально-географическом или текстуальном пространстве.

Катаеву необходимо выявить сюжетный инвариант фильма и повести – двух, казалось бы, абсолютно несопоставимых произведений. Этот сюжетный инвариант сводится к демонстрации неотвратимости разрушения замкнутых мирков – монастыря (в фильме «Иуда») и буколического поместья Товстогузов (в повести «Старосветские помещики»).

Наиболее полное представление о Беловодье дает «Путешественник» – небольшое сочинение, «призывающее идти туда» [Мальцев, 2002]. Во второй редакции «Путешественника» является крайне важное для характеристики Беловодья дополнение: «А тамо антихрист не может быть и не будет» [Чистов, 1962, с. 139]. В рассказе Катаева последнее утверждение наглядно опровергается. Бригаде уймонских колхозников заезжий механик кинопередвижки демонстрирует фильм, второе название которого – «Антихрист».

Зрители не зря так остро реагируют на все, увиденное на экране, ведь заметить сходство между событиями фильма и их жизнью совсем нетрудно: «Насторожившись, вытянули шеи, кто-то привстал на коленки, но его, видимо, сердито дернули снизу, и высунувшаяся голова пропала. На экране белогвардейцы творили расправу, металась скотина, бегали ополоумевшие бабы, плакали дети. И все это было очень знакомо и понятно здесь, на Уймоне, где всего тринадцать лет тому назад кипела кровавая мешанина, жесточайшая за всю историю сибирской гражданской войны, где при Кайгородове рубили и пороли каждого десятого, – и память о тех годах была жива. Да и местность в картине очень походила на алтайские предгорья» [Катаев, 1983, с. 381]. В главной героине картины рассказчик узнает черты уймонской бригадирши Аполлинарии Лесных: «Красивая девушка скакала, скакала по лесам и долам, пригнувшись к шее коня, тяжелая коса ее билась за плечами. Не лицом, но смелостью движений, зрелым и легким станом, еще чем-то походила она на Аполлинарию...» [Катаев, 1983, с. 382].

«Иуда» – фильм антирелигиозный. Целью его создателей являлось «разоблачение контрреволюционной роли духовенства в годы гражданской войны» [Советские художественные фильмы, 1961, с. 325]. В связи с этим на первый план режиссером был выдвинут конфликт в душе старца Ионы, который от искренней и глубокой веры в бога приходит к атеизму. В пересказе Катаева Иона – вовсе не старец, а «здоровенный парень, хитрец и силач, с крупным и веселым лицом» [Катаев, 1983, с. 380]. Именно он разоблачает «придуманное монахами чудо», после чего «разгневанная толпа повалила выручать большевиков» [Катаев, 1983, с. 382]. Писатель далеко отклоняется от оригинала, по сути, соединив воедино двух персонажей фильма Е. Иванова-Баркова – старца Иону и послушника Онуфрия.

«Чудо» с «плачущей иконой», подстроенное игуменом для того, чтобы убедить крестьян вступить в отряд белых, в фильме разоблачает не Иона, а Онуфрий. Вследствие чего возмущенные обманом прихожане, действительно, «бросаются на монахов. Скрывающийся в лесу отряд партизан спасает крестьян, а вместе с ними и старца Иону от расстрела. Остатки белогвардейского отряда ликвидированы» [Советские художественные фильмы, 1961, с. 326].

Катаев, в сущности, приписывает деяния послушника Онуфрия старцу Ионе. Причина такой подмены никак не в забывчивости рассказчика или автора, просто сюжетная линия старца уходит в подтекст рассказа. Катаев ограничивается очень туманным намеком на события картины, связанные со Ионой: «Тут же, рядом, – корысть, жадность и всякие блудни монахов» [Катаев, 1983, с. 381]. На самом деле «блудни монахов» в фильме «Иуда» достаточно необычны. Экзальтированная вера Ионы рассеивается, когда он «узнает, что

вместе с игуменом под видом послушника живет женщина. Старец выступает с обличительной проповедью против игумена. Его бросают в подвал, где уже томятся арестованные крестьяне» [Советские художественные фильмы, 1961, с. 325].

Как известно, под видом мужчины жила в скиту святая преподобная Аполлинурия, в честь которой получила свое имя главная героиня рассказа «Под чистыми звездами». В «Житии преподобной Аполлинурии» рассказывается, как однажды «ей явился во сне Ангел и повелел идти в скит и именоваться Дорофеем. <...> И святая дева стала жить, как муж, в особой келье, посреди мужей, как живут пустынные отцы: Бог не давал никому проникнуть в тайну ее» [Жития святых, 2010, с. 176-177]. Дьявол, чтобы «обесславить и причинить зло мнимому Дорофею», «дал вид зачавшей женщины» младшей сестре Аполлинурии, а «когда родители побоями стали принуждать ее к тому, чтобы она сказала, с кем пала, диавол сказал ее устами:

– Тот черноризец в келье, у которого я жила в скиту, виновен в моем падении» [Жития святых, 2010, с. 178-179]. Пикантность ситуации заключается в том, что черноризцем, который изгнал бесов из младшей дочери царя Анфемия, был псевдо-Дорофей. Дьявол в итоге, естественно, все же был посрамлен, тайна преподобной Аполлинурии оставалась нераскрытой до самой ее смерти: «Когда она преставилась ко Господу, братия пришли омыть ее и, увидев, что пред ними женщина, громогласно восклицали:

– Слава, Тебе, Христе Боже, имеющий много сокровенных святых у Себя!» [Жития святых, 2010, с. 181].

В фильме Е. Иванова-Баркова (как, впрочем, и в рассказе Катаева) житийный сюжет вывернут наизнанку. Тайное пребывание женщины в мужском монастыре служит не к вящей славе Божией, а к полному краху веры.

Катаевская Аполлинурия «из кержачек», ее лицо рассказчик определяет, как «иконописное», «рублевского века», платок она повязывает «низко по-скитски скорбно, с прямым перегибом на висках» [Катаев, 1983, с. 371, 377]. Имя, происхождение, детали костюма и портрета, жесты – все это указывает на существенную роль религиозного контекста. Тимка Вершнева даже говорит о святости Аполлинурии: «Это ты от святости своей, как, значит, активистка...» [Катаев, 1983, с. 387]. Конструируя образ главной героини рассказа, Катаев прибегает к тому же приему «сгущения» (З. Фрейд), который использовал при пересказе-интерпретации фильма «Иуда». Он соединяет в своей Аполлинурии (с ее тайной беременностью) двух героинь «Жития» – непорочную Аполлинурию и ее «согрешившую» сестру.

«Святость» Аполлинарии, разумеется, не христианская, а советская. Проблема героев рассказа «Под чистыми звездами» в том, что они, в отличие от киношного старца Ионы, не стали атеистами, но сменили одну веру на другую, попытались, если воспользоваться выражением евангелистов, «влиять вино молодое в мехи ветхие» (Мф 9:17; Мк 2:22; Лк 5:37). Тщетность такой попытки вполне предсказуема.

«Так что ж тебе, Полинарья... богом-господом, чо ли, божиться?.. Да не молишься ты, и я поотвык», – роняет в разговоре с Аполлинарией Тимка [Катаев, 1983, с. 388]. Однако сам по-прежнему изъясняется на языке староверов. Рассуждая о планах на жизнь, он не находит ничего лучше, как сослаться на евангельскую формулу (причем, что характерно в церковнославянском переводе) и авторитет старцев: «Все дальше пойду, весь мир как свой брат мне будет... Как старики наши поют, – вся тайная... Вся тайная отверзится...» [Катаев, 1983, с. 385].

Д. Быков своеобразие героев повести Катаева «Ленинградское шоссе» (1933) увидел в их неукоренённости: «Всех этих людей оттого и носит по миру, что у них нет корня, якоря, нет самостояния, какой-то прочной основы. В этом и трагедия, что они носятся по всей России, нигде не закрепляются. Сейчас они беспрерывно осваивают новые пространства» [Быков, 2016]. Столь же бесприютны герои другого, еще более известного произведения Катаева – повести «Сердце» (1927). В этой повести «миру прошлого, существующего лишь в воображении героя, соответствует уютное замкнутое домашнее пространство, а реальность представлена пространством улицы» [Румянцева, 2008, с. 307].

Показательно, что в и рассказе «Под чистыми звездами» упомянут один-единственный дом – он когда-то принадлежал богатейшему семейству Нижнего Уймона, но теперь «над резным крыльцом тяжелодумного владения Ошлаковых» красуется вывеска школы [Катаев, 1983, с. 369]. «Уютное домашнее пространство» отодвигается в далекое прошлое и окончательно переход в разряд ирреального.

Даже в «Старосветских помещиках», с их поэтизацией буколической жизни, Тимке Вершневу запомнилось только одно: «Ну, двери у них шибко скрипели...» [Катаев, 1983, с. 386]. Давно установлена особая выделенность в культуре «всех вариантов “границы”»: порог, дверь, лестница, окно, мост и т. п. – и необходимость особой внутренней сосредоточенности героя в этих ответственных местах» [Топоров, 2010, с. 343]. Дверь чаще всего выступает как символ границы между защищенным пространством дома и опасным окружающим миром, между «своим» и «чужим». В гоголевской повести эта символика заострена, та дверь в домике

Товстогузов, «которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно наконец слышалось: “батюшки, я забну!”» [Гоголь, 1976, с. 11]. Жалобный стон входной двери, непосредственно соприкасающейся с лишенным тепла внешним миром, предваряет у Гоголя трагедию разрушения старосветской идиллии. Катаевский герой мучительно переживает свою неприкаянность, вероятно, поэтому его так и взволновала именно эта деталь из «Старосветских помещиков».

«А мне ведь из себя вырваться надо... Из себя, понимаешь?...» – исповедуется Тимка перед Аполлинойрией [Катаев, 1983, с. 384]. «Вырваться из себя» – значит вытравить в себе все родное, уймонское. «Тут я чисто в шкуре какой хожу, и скрозь меня она до нутра проросла, как зверь все равно. Грузно мне, тошно, глаза застилает, к земле гнет. И все уймонское меня облепило, и сам-то я дурак дураком. Не вижу ничего, не знаю, тыкаюсь все равно щенок слепой...» – аргументирует Тимка необходимость уйти в город [Катаев, 1983, с. 384].

Сравнению «как зверь все равно» в монологе героя противопоставлено другое: «как птица летишь» [Катаев, 1983, с. 385]. Ощущение полета появляется у Тимки после контакта с подлинным искусством. «Так и завсегда со мной, от картин от этих, от постановок...» – признается он [Катаев, 1983, с. 385]. Помимо фильма «Иуда» его потрясла повесть «Старосветские помещики»: «А меня опять как на крыльях подняло, чтой-то мне тут опять приоткрылось» [Катаев, 1983, с. 386]. Выражение «подняло» в данном случае надо понимать не метафорически, а буквально. Прочитав гоголевскую повесть, Тимка Вершневу «на другой день в больнице по настилке потолочных балок две нормы сделал» [Катаев, 1983, с. 386]. В очередной раз в тексте актуализируется семиотический потенциал говорящей фамилии Тимки – он всегда наверху. Сначала рассказчик видит его на вершине стога сена, а потом Тимка вспоминает о работе по настилке больничного потолка.

«Сам-от он Вершневу, – выходит, завсегда и вершить ему!» – подчеркивает символический характер имени главного героя рассказа «Под чистыми звездами» один из колхозников [Катаев, 1983, с. 374]. В такой интерпретации фамилия «Вершневу» ассоциируется уже не столько с положением наверху, сколько с завершением чего-то. В отличие от Аполлинырии, работа которой похожа «на одинокий танец, высоко над головами людей, в светлом куполе неба», Тимку распирает «от счастья работы, от умения, от того, что всех выше он под небом, всех ловчей» [Катаев, 1983, с. 374, 373]. Разница всего лишь в предложениях, но она принципиальна. Предлог «в» «употребляется при обозначении места, направления куда-нибудь или нахождения где-нибудь»; основное значение предлог «под» – «ниже чего-нибудь, со

стороны нижней части чего-нибудь» [Ожегов, 2006, с. 66, 531]. Тимка постоянно «под» чем-то. Неудивительно, что его единственный полет сродни падению: по окончании работы он с вершины стога «слетает на землю» [Катаев, 1983, с. 374].

Недаром предлог «под» вынесен еще и в название рассказа. В художественном мире Катаева абсолютно все устремлено вверх – к небу и звездам, но закончится ли это взлетом или падением совершенно неясно. В горах Алтая, «высоко взлетевших под небо» [Катаев, 1983, с. 382], у рассказчика появляется «чувство свободы полета»: «День прошел, – летим дальше» [Катаев, 1983, с. 375]. Но, с другой стороны, все, что распахнуто перед его взором, расположено «на горе и куда-то летит с нее кувырк, и раскрывается бездна» [Катаев, 1983, с. 370].

В заключительном эпизоде рассказчик, случайно подслушавший любовное объяснение Тимки и Аполлинии, в темноте быстро спускается по крутому склону. «Разлетевшись», он обхватывает толстый ствол лиственницы и пытается понять: «Что там было, подо мною? Обрыв ли, пологий ли скат?..» [Катаев, 1983, с. 388]. Финальный вопрос – ключ к авторской концепции произведения.

«– Ох, тяжко мне, Тимочка, с тобой будет, ох, чую, тяжко! Горя не оберешься... Да что уж!» – последние слова Аполлинии в рассказе [Катаев, 1983, с. 388]. «Горестно-веселый» голос героини, показывает, что она тоже не знает: «обрыв ли, пологий ли скат» ждет ее впереди?

По Катаеву, опасность падения в бездну явно грозит не только главным героям рассказа, но и всему новому миру. Внешне не мотивированное упоминание Москвы («А в Москве, пожалуй, и спать еще не ложились») в завершающей фразе выдает подлинный масштаб проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богумил, Т. А. Беловодье / Т. А. Богумил // Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена: словарь. – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2018. – С. 56-64.

Быков, Д. 100 лет – 100 книг русской литературы XX века. Иван Катаев «Ленинградское шоссе» 1933 год. Лекция № 34 от 28 мая 2016 года / Д. Быков. – [Электронный ресурс]. – URL: https://tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_dmitriem_bykovym/1933-410209/ (08.06.2019).

Гоголь, Н. В. Старосветские помещики / Н.В. Гоголь // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 7–29.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 / В. И. Даль. – Москва: Русский язык, 1989. – 699 с.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского. Книга пятая. Январь. – Москва: Ковчег, 2010. – 848 с.

Катаев, И. Под чистыми звездами / И. Катаев // Под чистыми звездами: Советский рассказ тридцатых годов. – Москва: Московский рабочий, 1983. – С. 369–388.

Куляпин, А. И. История и миф в романе В. Зазубрина «Горы» / А. И. Куляпин // Нарративные традиции славянских литератур: От Средневековья к новому времени. – Новосибирск: Омега Принт, 2014. – С. 225–228.

Мальцев, А. И. Беловодье / А. И. Мальцев // Православная энциклопедия. – Т. 4. – Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. – С. 534–535. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/77924.html>. (07.06.2019).

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: А-ТЕМП, 2006. – 944 с.

Папкова, Е. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература первой трети XX в. в поисках крестьянского рая / Е. Папкова // Сибирские огни. – 2011. – № 4. – С. 133–140.

Папкова, Е. А. Сибирские источники повести Всеволода Иванова «Бегствующий остров» / Е. А. Папкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 70–76.

Румянцева, Л. И. О живописном начале в художественном пространстве прозы Ивана Катаева / Л. И. Румянцева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 306–309.

Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Том 1. Немые фильмы (1918–1935). – Москва: Искусство, 1961. – 528 с.

Топоров, В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1 / В. Н. Топоров. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 448 с.

Чистов, К. В. Легенда о Беловодье / К. В. Чистов // Труды Карельского филиала АН СССР. – Петрозаводск, 1962. – Т. 35. – С. 116–181.

Чистов, К. В. Русская народная утопия: (Генезис и функции социально-утопических легенд) / К. В. Чистов. – Санкт-Петербург: Дмитрий Булаин, 2003. – 538 с.

REFERENCES:

Bogumil, T. A. Belovod'ye / T. A. Bogumil // Literaturno-turisticheskij Altay: toposy – mify – imena: slovar'. – Barnaul: Izd-vo AltGPU, 2018. – S. 56–64.

Bykov, D. 100 let – 100 knig russkoy literatury XX veka. Ivan Katayev «Leningradskoye shosse» 1933 god. Lektsiya № 34 ot 28 maya 2016 goda / D. Bykov. – [Elektronnyj resurs]. – URL: https://tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_dmitriem_bykovym/1933-410209/ (08.06.2019).

Chistov, K. V. Legenda o Belovod'ye / K. V. Chistov // Trudy Karelskogo filiala AN SSSR. – Petrozavodsk, 1962. – T. 35. – S. 116–181.

Chistov, K. V. Russkaya narodnaya utopiya: (Genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend) / K. V. Chistov. – Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2003. – 538 s.

Dal', V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: T. 1 / V. I. Dal'. – Moskva: Russkiy yazyk, 1989. – 699 s.

Gogol', N. V. Starosvetskiye pomeshchiki / N. V. Gogol' // Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 2. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1976. – S. 7–29.

Katayev, I. Pod chistymi zvezdami / I. Katayev // Pod chistymi zvezdami: Sovetskiy rasskaz tridtsatykh godov. – Moskva: Moskovskiy rabochiy, 1983. – S. 369–388.

Kulyapin, A. I. Istoriya i mif v romane V. Zazubrina «Gory» / A. I. Kulyapin // Narrativnyye traditsii slavyanskikh literatur: Ot Srednevekov'ya k novomu vremeni. – Novosibirsk: Omega Print, 2014. – S. 225–228.

Mal'tsev, A. I. Belovod'ye / A. I. Mal'tsev // Pravoslavnaya entsiklopediya. – T. 4. – Moskva: TSNTS «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2002. – S. 534–535. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/77924.html> (07.06.2019).

Ozhegov, S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. YU. Shvedova. – Moskva: A-TEMP, 2006. – 944 s.

Papkova, Ye. «Belovod'ye» Mikhaila Plotnikova: russkaya literatura pervoy trety XX v. v poiskakh krest'yanskogo raya / Ye. Papkova // Sibirskie ogni. – 2011. – № 4. – S. 133–140.

Papkova, Ye. A. Sibirskie istochniki povesti Vsevoloda Ivanova «Begstvuyushchiy ostrov» / Ye. A. Papkova // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2016. – T. 16. – Vyp. 1. – S. 70–76.

Rumyantseva, L. I. O zhivopisnom nachale v khudozhestvennom prostranstve prozy Ivana Katayeva / L. I. Rumyantseva // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – 2008. – № 80. – S. 306–309.

Sovetskiye khudozhestvennyye fil'my. Annotirovannyi katalog. Tom 1. Nemye fil'my (1918–1935). – Moskva: Iskusstvo, 1961. – 528 s.

Toporov, V. N. Mirovoye derevo: Universal'nyye znakovyye komplekсы. T. 1 / V. N. Toporov. – Moskva: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2010. – 448 s.

Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney svyatogo Dmitriya Rostovskogo. Kniga pyataya. Yanvar'. – Moskva: Kovcheg, 2010. – 848 s.